

Но науки можно еще классифицировать по уровню достигнутой точности. Физика достигла очень высокого уровня, а общая биология находится на более низком уровне, чем современная лингвистика.

Р. А. Будагов формулирует правильный тезис: «неточных наук быть не может». Действительно, неточность есть всегда отход от научности. Но нельзя согласиться с тем, что если «каждая наука оперирует со своим понятием точности», то это так и должно оставаться навеки. Точность есть понятие общенаучное, как законность есть понятие общегосударственное.

И тут мы вынуждены более подробно остановиться на самом понятии точности. Р. А. Будагов, говоря о точности, все время имеет в виду точность описания фактов. Разумеется, художественная литература или живопись описывают факты не менее точно, чем любая наука. Более того, хорошее библиографическое описание документа не менее точно, чем математическая теорема. Но, говоря о фактах, лучше вместо термина «точность» употреблять слова «верность и полнота описания». Категория точности относится скорее к теоретическим описаниям, к общенаучным высказываниям. Различие науки и искусства связано не с уровнем верности описания фактов, но с тем, что наука описывает действительность в общих категориях, абстрагируясь от индивидуальных фактов, а искусство рассматривает конкретный факт как микрокосм, в котором художник способен увидеть и показать целый мир. В известном смысле искусство способно дать более верное (если угодно, точное) описание мира, но это не та категория точности, с которой имеет дело наука.

Точность в науке определяется ее умением ясно формулировать теоретические положения с тем, чтобы они допускали четкую проверку в доказательстве, эксперименте или наблюдении. Математическая теорема может оказаться неверной, но она не может быть приблизительно верной.

Утверждение $2 \times 2 = 5$ точно, но не верно.

Утверждение $2 \times 2 \approx 5$ не точно, но верно.

Рассмотрим следующие три утверждения относительно фраз естественного языка.

I. «Управления между словами во фразах взаимно не перепутываются, не мешают друг другу, но, наоборот, позволяют удобно членить фразу на синтагмы разного уровня».

II. «Стрелки управлений между словами во фразе можно обычно провести так, чтобы они взаимно не пересекались».

III. «Если слово x управляет словом y , а слово z лежит между ними, то существует цепочка управлений, ведущая от x к z ».

Все эти три утверждения означают одно содержательное свойство — проективность языка. Они приведены в порядке возрастания точности. Довольно очевидно, что более точное из утверждений здесь одновременно и более информативно. В частности, из третьего утверждения можно строго вывести ряд содержательных следствий², довольно подробно характеризующих как сами проективные структуры, так и способы их возможного представления.

Заметим, что еще более точное описание проективности должно было бы охарактеризовать ситуации нарушения проективности, связанные в первую очередь с наличием однородных членов, эллипсисов и специальной смысловой акцентировки. (Подобные уточнения рассматривались в работах Ю. Кунце и Ю. А. Шрейдера).

В этих примерах проявилась очень характерная черта математической лингвистики. Эта наука занимается открыванием и изучением реально существующих в языке математических структур. Приведенное выше точное определение проективности оказалось возможным получить именно

² См. Шрейдер Ю. А. Равенство, сходство, порядок. М., «Наука», 1971, гл. IV, § 4.